

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ

УДК 930.85

DOI: 10.31249/hoc/2024.02.13

Румянцев Е.Н.*

Рецензия на книгу:

Джонсон Я. Искры. Китайские подпольные историки и их битва за будущее. – Оксфорд : Оксфорд юниверсити пресс, 2023. – 400 с.©

Получена: 01.03.2024

Принята к печати: 21.03.2024

Для цитирования: Румянцев Е.Н. [рецензия] // Вестник культурологии. – 2024. – № 2(109). – С. 244–258. DOI: 10.31249/hoc/2024.02.13. – Рецензия на книгу: Джонсон Я. Искры. Китайские подпольные историки и их битва за будущее. – Оксфорд : Оксфорд юниверсити пресс, 2023. – 400 с.

Rumyantsev E.N.

Book review:

Johnson I. Sparks: China's Underground Historians and Their Battle for the Future. – Oxford : Oxford University Press, 2023. – 400 p.

Received: 01.03.2024

Accepted: 21.03.2024

* *Румянцев Евгений Николаевич* – канд. филологических наук, независимый исследователь, Москва, Россия; *evgrum@yahoo.com*

Rumyantsev Evgeny N. – PhD in Philology, Independent Researcher, Moscow, Russia; *evgrum@yahoo.com*

© Румянцев Е.Н., 2024

For quoting: // Herald of Culturology. – 2024. – No. 2(109). – P. 244–258. DOI: 10.31249/hoc/2024.02.13. – Book review: *Johnson I. Sparks: China's Underground Historians and Their Battle for the Future.* – Oxford : Oxford University Press, 2023. – 400 p.

Рецензируемая монография является последней на данный момент работой известного китаеведа и журналиста, лауреата Пулитцеровской премии Яна Джонсона. В течение почти 20 лет он учился, а затем работал в Китае в качестве корреспондента газет «Нью-Йорк таймс», «Уолл-стрит джорнал» и выходящего один раз в две недели журнала «Нью-Йорк ревью оф букс», публикующего «статьи по литературе, культуре, экономике, науке и современности».

Как видно уже из названия книги, автор рассматривает в ней те проблемы современного Китая, которые нередко называют «острыми», а также пишет о тех людях в Китае, которые изучают подобные проблемы, часто связанные с событиями периодов «большого скачка», «культурной революции» и другими трагическими страницами недавней китайской истории. Упоминание об «искрах» в названии работы у него ассоциируется с известным высказыванием Мао Цзэдуна о том, что «одна искра легко может вызвать пожар в степи» (星火燎原; на самом деле это старинный китайский фразеологизм – чэньюй) (с. 75). Отечественному читателю будет, видимо, ближе аналогия с известной пушкинской строкой об искре, из которой «возгорится пламя».

Обложку книги оформил китайский художник-эмигрант Ай Вэйвэй.

Самостоятельный интерес представляет библиографический аппарат издания.

По мнению Джонсона, с которым трудно спорить, люди обращаются к истории, то есть своему прошлому, чтобы оно помогло им понять современные события и, возможно, предвидеть нечто, что произойдет в будущем. Особенно это важно для Китая, люди которого в течение столетий «были очарованы процессами взаимодействия и взаимовлияния между прошлым, настоящим и будущим» (с. 8). Как он отмечает далее, «для современных руководителей Китая история легитимизирует их пребывание у власти: она избрала Коммунистическую партию для того, чтобы спасти Китай, определила ее, партии, успех и

благословляет ее на дальнейшее удержание власти над страной» (с. 8). Конечно, говорит он, такая история пишется самой партией, которая использует для этой цели обширную армию писателей, изготовителей кино- и видеофильмов и журналистов. Через них партия контролирует содержание учебников, художественных и документальных фильмов, популярных исторических журналов и даже видеоигр военной тематики.

Однако, утверждает Джонсон далее, растущее число китайцев рассматривают монополию партии на прошлое как корень нынешних проблем их страны. В представлении этих людей «слишком многие неправильно понимают проблемы настоящего, так как Коммунистическая партия искажает прошлое» (там же). Поэтому, по его словам, «если люди вырастают в уверенности в том, что Коммунистическая партия сыграла ключевую роль в борьбе с японцами и возглавляется патриотами, занимающими свои посты в силу больших личных достоинств, которыми они обладают, то таким людям будет трудно понять, почему Китай подвержен чисткам, коррупции и политическому насилию» (с. 7–8).

Именно такие соображения лежат в основе движения подпольных историков, которое набрало силу за последние 20 лет. В эту категорию автор включает достаточно многочисленную и неоднородную по своему составу группу людей, некоторые из которых принадлежат, по его мнению, к числу «лучших умов Китая». Среди них университетские профессора, независимые кинематографисты, издатели подпольных журналов, писатели, художники и журналисты. Некоторые являются диссидентами-аутсайдерами, однако большинство – это люди, которые хотя бы наполовину находятся внутри системы, в которой они работают, владеют собственностью и имеют семьи. Но все они, подчеркивает автор, рискуют своей карьерой, будущим и свободой для того, чтобы публиковать самиздатовские журналы, запрещенные книги и снимать независимые документальные фильмы. Они стремятся «откорректировать искажаемое партией представление о прошлом Китая и остановить сползание своей страны к еще более жесткому авторитарному контролю» (с. 9). И они делают это, используя новейшие цифровые технологии для публикации информации о провалах режима, часто рассматривая современные проблемы в увязке с катастрофическими событиями прошлого.

Автор напоминает о существовании в Китае многовековой традиции обращения к истории. В стране издавна существовали летописцы, занимавшиеся написанием историй тех или иных императорских династий, содержание которых утверждалось властями. Однако, замечает он, всегда были и неофициальные историки. Их труды обычно объединяли под названием *е ши* (野史; в дословном переводе – *дикая*, то есть неофициальная, история). В настоящее время, сообщает Джонсон, наиболее распространенным названием для такого рода литературы является термин *народная*, то есть *неофициальная*, история (民间历史). В некоторых странах это явление обозначается термином *counter-history*, то есть, опять же дословно, *контристория*. На наш взгляд, возможен перевод этого термина на русский язык как *альтернативная история*. Сам Джонсон склоняется к тому, чтобы по-английски переводить этот термин как *underground history* (дословно – *подпольная история*). Он объясняет такой выбор тем, что данный термин наиболее адекватно «отражает неравную битву, которую ведут немногочисленные, нередко подвергающиеся преследованиям граждане, которым противостоит сильное, обладающее подавляющей мощью государство» (с. 9).

По словам автора, китайские подпольные историки вдохновляются еще одной идеей из традиционной культуры Китая. Речь идет о понятии, определяемом как *цзянху* (江湖). Оно состоит из двух иероглифов, первый из которых переводится как *река*, второй – *озеро*, и обозначает, как поясняет автор, некий особый мир, который существует вне императорского двора и торговых центров. В древности районы, определяемые двумя вышеуказанными иероглифами, представляли собой своего рода укрытия для бандитов и прочих людей, которые «были вне закона, но поведение которых определялось строгим кодексом чести». Эти иероглифы могут обозначать «анархическую свободу для всех», однако чаще под ними подразумевается некое «братство поклявшихся в верности друг другу мужчин и женщин, приверженных идеям правоты и справедливости» (с. 9–10).

В КНР, говорится далее, подпольные историки, придерживавшиеся идей *цзянху*, существовали на всем протяжении истории этого государства. При этом в течение первых 50 лет правления Компартии они были изолированными друг от друга и от общества индивидами.

Их статьи, книги, картины быстро изымались аппаратом безопасности. Мало кто знал об их существовании. Положение, однако, коренным образом изменилось в последние 20 лет, когда в результате распространения цифровых технологий подпольные историки стали частью общекайтайских компьютерных сетей и сумели выжить под неоднократными ударами властей.

Рецензируемая книга, как сообщает ее автор, «документирует подъем движения китайской подпольной истории в течение последних 20 лет» (с. 10). В ней проводится мысль о том, что он сохраняет свое значение в период правления Си Цзиньпина, а также анализируются последствия работы подпольных историков для будущего Китая. В ходе работы над книгой автор постоянно общался с этими людьми, читал их книги, смотрел их фильмы, следил за их деятельностью в социальных сетях.

Повествование, говорится далее, разворачивается в трех измерениях. Первое – географическое. В его рамках в книге прослеживается медленный, постепенный процесс смещения центра тяжести движения подпольных историков Китая с колыбели революции на северо-западе на юг страны, который Джонсон считает китайским «культурным хартлендом». В последние годы, пишет он, это движение на юг достигло Гонконга и «использует своих зарубежных союзников и цифровые платформы», которые находятся за пределами КНР.

Второе измерение – это измерение во времени: от прошлого к настоящему и далее к будущему. Эти три времени соответствуют трем основным разделам книги. В первом из них, посвященном прошлому, речь идет о событиях, происходивших в первые годы существования КНР. Автор определяет этот период как время «интенсивного насилия, которое оставило глубокие шрамы в национальном сознании» китайцев (с. 11). Во втором разделе рассматриваются события первого десятилетия правления Си Цзиньпина, в годы которого подпольные историки «бросили вызов доминированию над историей со стороны Компартии Китая» (там же).

Третье измерение, связанное с будущим, посвящено «восстанию» 2019 г. в Гонконге, положению в районах проживания национальных меньшинств и протестам конца 2022 г. Все это, по мнению автора, указывает на тенденции развития Китая в будущем и возможный «потенциал для политических изменений» в стране (там же).

Эти три измерения соединяются в единое целое личными историями героев книги и работами подпольных историков. Особо выделяются рассказ о концлагере в районе Цзябяньгоу на северо-западе КНР и история первого самиздатовского журнала КНР «Синхо» (Искра).

В книге ставятся некоторые нестандартные проблемы: история как оружие, история как миф, пределы исторической амнезии, историческая память и др. Повествование построено на фактах, большинство которых неизвестны или малоизвестны.

Значительное место уделяется яньаньскому периоду существования КПК, когда были заложены основы идеологии и практики маоизма, расцветшие пышным цветом после образования КНР. Автор замечает, что, например, организованное в Яньани в 1941–1944 гг. «движение за упорядочение стиля» до сих пор высоко оценивается руководством современной КПК. Согласно официальной версии, оно имело целью овладение партийными кадрами марксистско-ленинской теорией. В процессе «упорядочения» люди «прогрессивных» взглядов, приехавшие в Яньань со всех концов Китая, были сплочены в единую партию, которая, согласно версии КПК, выиграла Вторую мировую войну, нанесла поражение Гоминьдану в гражданской войне и ведет Китай по пути возвращения к величию.

На самом деле основным содержанием этой кампании была борьба за власть между Мао Цзэдуном и его главным тогда соперником Ван Мином (с. 103). Число ее жертв измеряется тысячами. Партийные инквизиторы, пишет Джонсон, в те годы стремились «сломать и переделать людей» (с. 104). Для описания этого процесса был разработан специальный жаргон: например, изоляция придерживавшихся других, чем требовали маоисты, взглядов, и борьба с ними проходили в рамках того, что официально именовалось «группами учебы»; борьба с сопротивлявшимися этой «учебе» называлась «собраниями борьбы»; итогом такой борьбы была «самокритика», которая фактически представляла собой вынужденные признания критикуемых во всех ошибках, которые они когда-либо совершали или не совершали, а конечной целью – «реформа идеологии» (там же).

Одним из важнейших итогов кампании стало принятие в 1945 г. Решения ЦК КПК «О некоторых вопросах истории партии». В нем история КПК излагалась в духе, угодном Мао Цзэдуну, и на несколько десятилетий вплоть до его смерти стала своеобразным «волшебным

талисманом» Мао, защищавшим «вождя» от его оппонентов (с. 105). Джонсон напоминает, что «утопические эксперименты» Мао стоили жизни 50 млн его соотечественников, из которых 45 млн человек умерли от голода в результате «большого скачка» 1959–1961 гг., а остальные стали жертвами политических кампаний, проводившихся по инициативе «великого кормчего». При этом даже в считающиеся спокойными 1950-е годы было убито несколько миллионов людей. Среди них плененные в ходе гражданской войны солдаты и офицеры гоминьдановской армии, зажиточные сельские жители, убитые в ходе земельной реформы начала 1950-х годов, жертвы кампании борьбы с «правыми», развернутой в 1957 г., и т. д. (с. 109).

Особое место в этом перечне занимают жертвы «культурной революции» второй половины 1960-х годов.

Смерть Мао Цзэдуна в 1976 г. и приход к власти Дэн Сяопина потребовали нового документа по истории партии. Подобные документы, подчеркивает Джонсон, для Китая очень важны. Поясняя этот тезис, он пишет, что при демократическом строе жизнь общества регулируется, «по крайней мере, в теории», конституциями и законами, которые принимаются собраниями выбранных в них людей. В Китае дело обстоит по-другому. Компартия Китая управляет страной посредством «политики, основывающейся на издании документов» (documentary politics).

Это, поясняет Джонсон, означает, что группа руководителей утверждает и поддерживает свою власть путем издания документов, которые другие должны одобрить и руководствоваться ими в своей дальнейшей деятельности. Такие документы могут быть изданы в виде законов, принимаемых контролируемым партией парламентом. Именно так во все большей степени происходит в КНР в настоящее время (с. 109–110). Однако часто, особенно когда речь идет о важнейших вопросах идеологии, необходимые власти концепции оформляются в циркулярах, резолюциях или белых книгах. Разработка такого рода документов является затратным с точки зрения необходимого для этого времени процессом и требует достижения определенных компромиссов. Однако результатом их принятия является консенсус, который могут поддержать основные партийные фракции. После официальной публикации такого документа он становится для лидера партии ориентиром, следуя которому тот руководит страной.

Такова была цель Дэн Сяопина, когда в 1981 г. он организовал принятие «Решения ЦК КПК по некоторым вопросам истории партии со времени образования КНР». Ему было нужно навязать партии свою волю путем принятия документа, который выполнял бы роль конституции или заявления с неким набором принципов, объясняющих, чем стала Коммунистическая партия и в каком направлении она идет (с. 110).

В период китайской истории, связанный с именем Дэн Сяопина, в Китае жил и работал историк Гао Хуа, которому Джонсон в своей книге уделяет особое внимание (с. 114 и далее). Гао потратил 22 года своей жизни на работу над книгой о кампании борьбы за «упорядочение стиля» 1940-х гг., о которой говорилось выше¹. Впервые издана в 2000 г. в Китайском университете Гонконга. С тех пор выдержала 22 переиздания. В КНР запрещена. Переведена на английский язык; на русский язык не переводилась.

Джонсон пишет о ней: «Не будет преувеличением сказать, что книга “Как поднималось красное солнце” является одной из самых важных книг по истории Китая периода коммунизма в этой стране» (с. 118). «Ее читают все, кто пишет об истории КПК, как в Китае, так и за его пределами» (там же).

К настоящему времени, сообщает он, район Большой Яньани превращен в важный центр «красного туризма» и используется для пропаганды «героической истории китайской революции». Он включает в себя 6 уездов. На их территории имеется 445 памятных мест. Построено 30 музеев. В 2019 г., последнем году перед пандемией коронавируса, Яньань посетили 40 млн 200 тыс. туристов со всего Китая. Годовой доход местной туристической индустрии составил 62 млрд долл. (с. 120).

«Красный туризм», замечает Джонсон, стал в КНР «феноменом общегосударственного значения», «пустил свои метастазы по всему Китаю». В стране имеется 36 тыс. «памятных мест», связанных с ис-

¹Китайское название: 高华. 红太阳是怎样升起的——延安整风运动的来龙去脉; Английское название: Gao Hua. How the Red Sun Rose: The Origin and Development of the Yan'an Rectification Movement, 1930–1945. Русское название: Гао Хуа. Как поднималось красное солнце. Истоки и развитие движения за упорядочение стиля в Яньани.

торией революции и гражданской войны. 1600 из них – это настоящие мемориальные залы или музеи, во многих из которых ведется активная пропагандистская работа: в примерно трети из них еженедельно организуются большое мероприятие или выставка, в основном в рамках кампании «патриотического воспитания». По официальным данным, в 2021 г. в этих рамках было проведено 840 тыс. разного рода мероприятий, в которых приняли участие 1 млн 400 тыс. «групп учеб-бы» (с. 120).

Организаторы всего этого исходят из взгляда, согласно которому созданная и продвигаемая КПК версия истории должна быть важна для всех, а не только для высших руководителей партии, как полагали Мао и Дэн. Си Цзиньпин, сообщает Джонсон, оказавшись у власти, пришел к выводу о том, что история критически важна для выживания партии (с. 120, с. 302). В июле 2010 г. было проведено Всекитайское совещание по работе в области истории, главную роль в котором сыграл Си (с. 120–121). Он выдвинул программу из пяти пунктов, которая требовала вести пропаганду истории партии, включая ее «великие победы и блестящие достижения», а также «историческую неизбежность» ее прихода к власти. Особенно надо повлиять на молодых людей, потребовал Си, с тем чтобы они могли «оценить великие традиции партии и героизм ее руководителей». Молодежь также «должна решительно выступать против любых ошибочных тенденций, искажающих или демонизирующих историю партии» (с. 121).

Си Цзиньпин, замечает Джонсон, говорил это не перед учеными, а перед представителями обширного аппарата правительственных писцов (*scribes*), чьей работой является написание истории. Размеры этой бюрократии сложно определить, однако, по консервативным оценкам, ее численность составляет десятки тысяч человек. В 2010-е годы, например, Институт политических исследований ЦК КПК курировал 2836 партийных и правительственных учреждений со штатом общей численностью в 17 тыс. человек (с. 123).

После прихода к власти в 2012 г. Си Цзиньпин воплотил установ-ки этого совещания в жизнь, в частности, посредством выдвижения лозунга «великого возрождения китайской нации» и издания так называемого Коммюнике о состоянии дел в сфере идеологии (Документ ЦК № 9 от 2013 г.). В числе опасных вещей, с которыми следовало вести борьбу и которые нельзя было обсуждать в университет-

ских аудиториях, оказались конституционное правление, гражданское общество, свобода прессы, общечеловеческие ценности, а также «исторический нигилизм». Под последним понимались «отрицание исторической неизбежности выбора Китаем социалистического пути», неприятие партийного взгляда на историю, непризнание «важности Мао» (с. 122–123).

В 2016 г., продолжает Джонсон, эти тезисы были дополнены утверждением журнала «Цюши», согласно которому иностранцы «ставят под сомнение историю партии, чтобы остановить подъем Китая». Одной из целей этой кампании был пекинский журнал «Яньхуан чуньцю», которому в свое время покровительствовал отец Си Цзиньпина Си Чжунсюнь. В том же 2016 г. руководители журнала были уволены, а его архив удален из интернета (с. 125–126).

Если раньше КПК позволяла определенную долю диссидентства в отношении к истории, то теперь, пишет Джонсон, она «стремилась к полному контролю над историей», то есть к тому, как история преподносится обществу (с. 125). В 2021 г. Си Цзиньпин выступил со своим Решением по истории партии, которое было третьим по счету¹. Две трети документа посвящено первому десятилетию его собственного правления, в течение которого, согласно официальной версии, «Китай шел от победы к победе».

Наилучшей иллюстрацией того, как КПК бесконечно манипулирует историей, отмечает Джонсон, является Государственный музей Китая, расположенный в Пекине на площади Тяньаньмэнь. Он был построен в 1959 г. в разгар Великого голода в качестве одного из «Десяти великих проектов», создававшихся в честь десятилетия КНР. Изначально он состоял из двух музеев: китайской революции и исторического, которые в дальнейшем были объединены в одно целое. Музей был построен в 1959 г., однако открылся только два года спустя: необходимо было привести экспозицию в соответствие с необходимостью «показать, что политика – это командная сила», «опираясь при этом на правильные идеи Председателя Мао и революционную линию в качестве руководящего принципа» (с. 132).

¹Полное название этого документа: Чжунгуа чжунъян гуаньюй дан дэ байнянь фэньюдоу чжунда чэнцзю хэ лиши цзинъянь дэ цзюэи (Решение ЦК КПК о больших успехах столетней борьбы партии и историческом опыте).

С началом «культурной революции» в 1966 г. музеи вновь закрылись, возобновили работу в 1979 г. и в последующие 20 лет были чаще закрыты, чем открыты для свободного посещения. Причина состояла в маневрах партийной бюрократии, которая стремилась «интерпретировать историю так, чтобы это понравилось руководителям» (с. 132).

В 2001 г. музеи вновь закрылись, чтобы возобновить свою деятельность в связи с проведением Пекинской Олимпиады 2008 г., но уже в качестве единого учреждения, получившего название Государственного музея Китая (с. 132–133). Ядром его экспозиции стала выставка «Путь возрождения», при посещении которой сразу после прихода к власти Си Цзиньпин выступил с лозунгом «великого возрождения китайской нации».

Далее Джонсон обращается к теме исторической амнезии в китайском обществе. Он начинает с одноименного эссе известного китайского диссидента Фан Личжи, который, в частности, пишет, что КПК так тщательно «контролирует историю», что большинство китайцев не знакомы с историей «бесконечных циклов насилия», сопровождающих ее правление (с. 137). Людям известно только то, что они пережили лично. Например, если они жили в годы «культурной революции», то они знают об этом событии, но им ничего не известно о голоде конца 1950-х – начала 1960-х годов. Он вспоминает, что молодые люди, участвовавшие в 1989 г. году в событиях на площади Тяньаньмэнь, как правило, ничего не слышали о движении, ассоциируемом со «стеной демократии» конца 1970-х годов, не говоря уже о «культурной революции» или Великом голоде. Каждое новое поколение китайцев, утверждает Фан Личжи, «невежественно в отношении прошлого». Это делает их уязвимыми к «кампаниям индоктринации», проводимым КПК. Соответственно «раз в десятилетие истинное лицо истории стирается из памяти китайского общества». Это, утверждает Фан, является «целью проводимой Коммунистической партией политики забывания истории» (с. 147). В рамках этой политики ставится задача исключить упоминания в речах, книгах, документах и СМИ любых исторических фактов, если это не соответствует интересам Коммунистической партии Китая.

Фан Личжи писал свое эссе в период, когда контроль КПК над информацией был абсолютным (с. 138). Только люди с хорошими связями, возможно, несколько тысяч в стране с населением в более чем

миллиард человек, знали обо всех проблемах истории КНР. Партия, продолжает Джонсон, опубликовала кое-какую информацию о «культурной революции», которая, однако, носила выборочный характер и широко не распространялась. А информация о некоторых других событиях, например о Великом голоде или о том, что в начале 1950-х годов в ходе земельной реформы были убиты миллионы людей, была табуирована. Большинство знали только о том, чему сами были свидетелями, и почти ничего – обо всем другом. Именно таким и был план партии (с. 138).

На первый взгляд, пишет Джонсон, эссе Фан Личжи сегодня актуальнее, чем когда бы то ни было. Контроль партии над историей поддерживается технически мощным государством. Во главе его стоит лидер, в полной мере нацеленный на обеление прошлого с помощью изобретения историй, которые многие люди будут считать событиями, имевшими место в действительности.

Создается впечатление, что Китай постигла полная историческая амнезия (там же).

Но это, заявляет Джонсон, не так. Фан Личжи описал Китай начала 1990-х годов. Однако в последующие годы возникла новая тенденция, которая подорвала монополию государства на историю. Это стало возможным благодаря появлению новых технологий, которые «создали коллективную память для многих из наиболее влиятельных мыслителей современного Китая».

В этой связи Джонсон обращается к исследованиям западных ученых, в которых был сформулирован тезис о двух видах коллективной памяти: культурной (cultural) и коммуникативной (communicative). Под культурной памятью понимаются «священные тексты и верования, которые скрепляют общество в качестве единого целого». От них обычно не ожидают того, что изложенное в них полностью соответствует действительности. Их записывают специально для этого отобранные люди: писцы, священнослужители или историки, назначенные для этой цели двором.

Что касается коммуникативной памяти, то она представляет собой воспоминания людей о реально произошедших событиях. Такие события обычно имеют место на протяжении жизни трех поколений. Это означает, что их наблюдали данный человек, его родители или родители родителей. Соответственно, информация о таких событиях может

быть передана от одного человека к другому, обычно в устной форме. Эти две формы памяти не находятся в конфликте между собой, поскольку одна из них содержит в себе истории, которые в своей совокупности создают цивилизацию, тогда как вторая представляет собой индивидуальные представления людей о событиях сегодняшнего дня (с. 138–139).

КПК, однако, считает Джонсон, смешивает эти два вида памяти, используя мифы для объяснения событий недавнего прошлого. Это вступает в противоречие с коммуникативной памятью людей, то есть, другими словами, с известной им реальностью. Раньше это не представляло для партии проблемы, поскольку по мере того как свидетели тех или иных исторических событий уходили из жизни, с ними уходила и память об истинной сути происходивших событий, оставалась только версия государства. Это и вело к состоянию амнезии, как его описал Фан Личжи.

С тех пор, отмечает Джонсон, изменились две вещи. Во-первых, сейчас даже после смерти человека его воспоминания могут быть сохранены и переданы новым поколениям. Во-вторых, группы, которые ранее существовали в изоляции друг от друга, теперь имеют возможность налаживать связи между собой (с. 139). Это стало возможным благодаря цифровым технологиям, которые, по словам Джонсона, дают людям возможность разделять с другими свои воспоминания такими способами, которых ранее не существовало. Технологические трансформации, продолжает он, дают некоторым китайцам возможность знать больше, чем позволяют государственные версии исторических событий. Правительственные пропагандисты, конечно, могут наводнить СМИ своей версией реальности или замедлить поток нежелательной информации. Эти утонченные формы цензуры приводят к тому, что подавляющее большинство людей по-прежнему соглашались с версией событий, предлагаемой государством. И тем не менее находится достаточное число людей, которые имеют доступ к «альтернативным интерпретациям прошлого». Подпольные историки КНР сформировали имеющую слабые внутренние связи и находящуюся в процессе постоянных трансформаций группу людей, которые пытаются переписать историю КНР. По словам Джонсона, их память, если

воспользоваться аналогией Алейды Ассман¹, в настоящее время представляет собой экспонаты, которые извлечены из музейных запасников и демонстрируются в составе экспозиции, хотя большинство китайцев все еще не имеют возможности с ней ознакомиться (с. 139–140).

В дальнейшем многое будет зависеть от самих людей – участников и свидетелей происходящих или происходивших ранее событий. Джонсон приводит пример из романа китайской писательницы, пишущей под псевдонимом Фан Фан. Главный герой романа решил изучить историю своей семьи, подвергшейся жестоким репрессиям в период земельной реформы начала 1950-х годов. Однако по мере углубления в события недавнего прошлого он принимает решение бросить это занятие, поскольку «должен жить в этом обществе» и «боится узнать слишком много» (с. 254). Но вскоре его друг сообщает герою, что он продолжил изучение этого вопроса самостоятельно. Таким образом, пишет Джонсон, этот молодой человек «выбрал память». И герой понимает: «Пути, который он выбрал, а именно забвения, больше не существует. Если кто-то помнит, тогда другие тоже не смогут это забыть. Памяти одного человека достаточно, чтобы бросить вызов амнезии» (с. 254–255).

Таким образом, в КНР произошел подъем «контристориков». Это, отмечает Джонсон, является значительным событием, поскольку бросает вызов легитимности КПК и происходит в стране, политическая жизнь которой жестко контролируется. С другой стороны, этот феномен является частью глобальной тенденции (с. 141).

Автор останавливается и на вопросе о значении своей книги. В-первых, указывает он, в ней говорится о людях, про которых всем было бы неплохо знать в принципе. Тем более что в определенных условиях их известность и влияние в обществе могут существенно возрасти. Во-вторых, жизнь и работа этих людей «бросают вызов общепринятым представлениям о том, как следует смотреть на Китай» (с. 13).

Развивая эту мысль, Я. Джонсон пишет, что после возвращения из КНР в ходе общения с коллегами из крупных синологических центров Запада он увидел, что, как правило, взгляд на современный Китай сводится в этой среде к тезисам о господстве там «всеобщей слежки,

¹ Немецкий антрополог, историк и культуролог.

культурного геноцида, бездумного национализма». Эти проблемы, продолжает он, реальны. Но реальны и люди Китая, имеющие другую точку зрения. Тех, кто выступает с критикой, заставить замолчать не удалось (с. 13). И это ставит вопрос о том, как другим странам следует взаимодействовать с Китаем.